

Выступление Специального представителя Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству М.Е.Швыдкого

Уважаемый господин Пофалла,

Уважаемый Виктор Алексеевич,

Уважаемый федеральный министр господин Альтмайер!

Более 200 лет назад в Эрфурте был знаменитый конгресс. На нем Наполеон встречался с Александром I и, между прочим, там же встретился с Гёте. Беседовали они о литературе, естественно, об искусстве и в какой-то момент затронули трагедию рока — трагедию судьбы. Наполеон в сердцах сказал Гёте: «О чем можно говорить, о какой трагедии судьбы можно говорить? Политика — вот судьба! Политика — вот это и есть рок!» Гёте, если верить его запискам, это суждение не понравилось.

Прошло больше двухсот лет, и мы все время сталкиваемся с тем, что Наполеон был в какой-то степени прав... И не стоит думать, что Гёте к Наполеону относился плохо. Наоборот, он считал, что «Наполеон — это квинтэссенция человечества». Почему великому писателю тогда не понравилась мысль его кумира о политике и судьбе? Я думаю, он был слишком немцем для того, чтобы рок — великую мощь человеческого бытия и космоса — свести к какой-то, в общем, политике. Но мы в XXI веке оказались свидетелями того, как политика может диктовать экономике. И диктовать абсолютно жестко, абсолютно безапелляционно, не принимая в расчет интересы ни крупного, ни мелкого бизнеса.

После 2014 года Германия перестала быть нашим крупнейшим экономическим партнером. У нас был товарооборот порядка €100 млрд! И он постоянно увеличивался. И вдруг он рухнул. Сейчас мы говорим о том, что в прошлом году было 20% роста и это большая победа. Сегодня говорят о том, что в первом полугодии рост этого показателя 28%. Но мы прекрасно понимаем, что тут очень много

зависит от цен на энергоносители: цена на энергоносители повысилась, товарооборот увеличился. Нет никакого качественного изменения в структуре нашего товарооборота.

Совершенно очевидно, что сегодня для того, чтобы продолжать быть добрыми соседями и торговыми партнерами, мы должны признать несколько вещей. Немцы будут называть то, что произошло с Крымом, аннексией. Мы будем говорить о том, что Крым воссоединился с Россией. И это очевидная вещь. Мы будем в принципе очень сходно смотреть на то, что происходит на востоке Украины, потому что мы полагаем: целостность Украины, безусловно, существенная ценность для всей европейской политики. Это правда. Но пути достижения мира на востоке Украины мы будем рассматривать по-разному. И это реальность, которая сегодня существует.

Нам же могут какие-то вещи казаться в германском контексте сложными. Все, что связано, например, с гипертолерантностью немецкого общества в отношении меньшинств или уже «большинств»... Я не знаю, как это называть, но мы прекрасно понимаем, что для Германии это очень чувствительный вопрос. Потому что было нацистское прошлое, и отношение к либеральной толерантной идеи в обществе — это очень важная ценность для немцев. И это мы должны уважать и понимать, иначе мы никогда не сможем вообще вести никакой диалог. Так же, как и вы должны понимать, что у нас есть свои определенные ценности, которых мы придерживаемся. Хорошие они, плохие — я сейчас это не обсуждаю. Они по понятным причинам несколько отличаются от тех, которые сегодня в немецком обществе существуют. Если мы признаем это, то не будем так остро реагировать на определенную критику с немецкой стороны, а немцы не будут обижаться на нашу.

Но настолько все, повторю, политизировано, настолько все нервно, настолько все остро, и каждый момент отражается на отношениях немцев с русскими, что это зона взаимного понимания — именно то, что может сделать «Петербургский диалог» сегодня.

Нельзя переступить грань уважения друг к другу.

Мы все-таки должны помнить: был 1973 год, когда Вилли Брандт и Эгон Бар нашли контактеров в Советском Союзе. С этого начался новый этап в восточной политике. Это было. И это было в условиях значительно более непримиримых, чем сегодняшние. Кто-то скажет: тогда были правила. Но правила тех лет были не самыми лучшими на самом деле. Сегодня каждый понимает правила по-своему. Поэтому если мы хотим всерьез думать о будущем, то мы должны найти какие-то новые принципы взаимодействия между Германией и Россией в экономике, в политике, в культуре, в среде гражданского общества. По одной простой причине: сегодня слишком много людей в России считают, что Европа одряхла, что Европа больше не партнер, что у вас свои проблемы, что Германия задыхается под напором эмигрантов, ну и так далее. Есть люди, которые не устают об этом говорить и считают, что у нас есть только один путь — на Восток. И якобы именно это надо принимать.

Я же считаю, что России, как и Германии, надо принимать тот путь, который отвечает интересам народов. А их связывает тысячелетняя история. В ней есть момент, который выстрадан трагедиями двух наших народов. Этот момент начался в 1970-е годы и привел к примирению после войны. Это колоссальная ценность, которую нельзя потерять. Колоссальная. Но если бы не было до этого девяти веков наших отношений, если бы до этого не было Екатерины Великой — главной немки, главной русской императрицы, если бы до этого не было замечательных русских женщин, которые были женами монархов немецких, тогда бы мы в XX веке никогда бы так быстро не примирились. История слишком серьезная ценность, которую нельзя и невозможно потерять.

Знаете, как сложится XXI столетие? Когда живешь сиюминутной политикой об этом не очень задумываешься. Мы в основном друг друга уговариваем: будет так или будет иначе. А ведь нам нужно думать на опережение. А мы тянем и тянем экономику, которая досталась нам в наследство от прошлого столетия. Это разве не

очевидно?

У нас сегодня есть один шанс очень серьезный, с моей точки зрения. И при всем моем уважении к традиционному набору товарооборота мне кажется, что сегодня наша задача — реализовать ту «дорожную карту» в области академического сотрудничества, академических обменов, партнерств, которые сегодня создаются в ведомстве федерального министра по науке и в нашем Министерстве науки. Стоит сделать эту «дорожную карту» на следующие десять лет, понимая, что именно в этом сегменте мы можем оказаться лидерами. Ясно же, что ни Россия в одиночку, ни Германия в одиночку лидерами мировыми в опережающем развитии науки, видимо, стать не смогут. Будем на этот счет реалистами.

Да, мы живем в политическом мире. И никуда от этого не денемся. Как говорил Эгон Бар, «есть проблемы, по которым невозможно договориться сегодня — отложим их в сторону, найдем проблемы, где мы сейчас можем договориться». И я думаю, что тут у Германии и у России есть очень широкий выбор. Там, где мы можем договориться, надо договариваться.